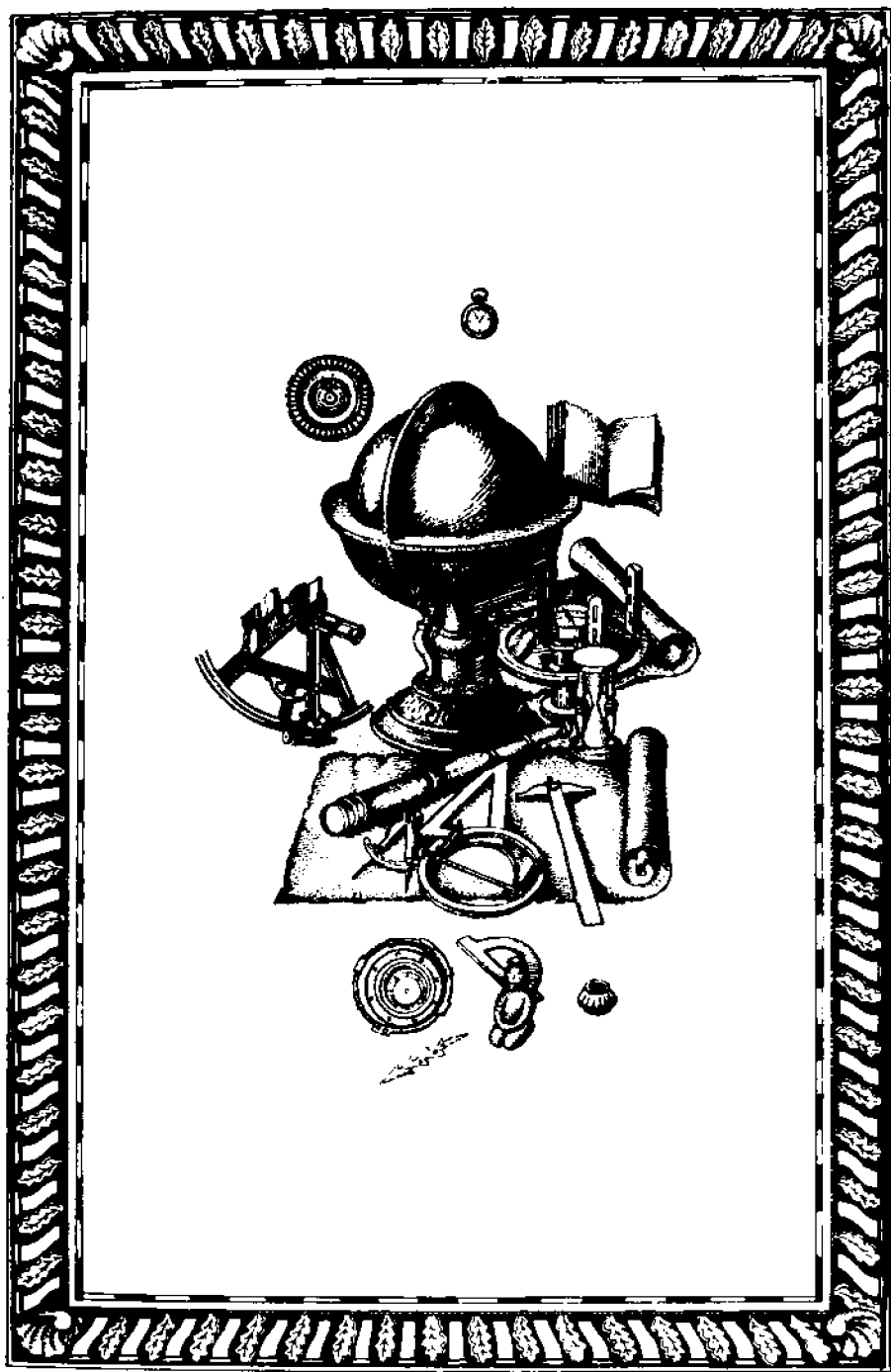


ВИКТОР УТКОВ

ПРЕДВЕСТНИКИ
СВЯЗЬ ВРЕМЕН





ВИКТОР УТКОВ
ПРЕДВЕСТНИКИ
СВЯЗЬ ВРЕМЕН



МОСКВА · МЫСЛЬ · 1982

БК26.8 г
У84

РЕДАКЦИИ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензент В. А. Александров

У $\frac{1905020000-073}{004(01)-82}$ 149-82

© Издательство „Мысль“. 1982



ПУТЬ ЭКИБАСТУЗА

Главное из всех вопросов,— Экибастуз
и его значение для Урала.

В. И. Ленин, 1922 год¹

НА РУБЕЖЕ НОВОГО ВЕКА

В августе 1899 года в Зауралье произошли два события. Одно — на юге Минусинского уезда, в предгорьях Саян, в селе Ермаковском, — было известно узкому кругу людей и прошло незамеченным, однако последствия его с каждым годом становились все более и более важными и не только для России, но и для судеб всего мира. Участниками этого события были люди, осужденные царским правительством на разные сроки сибирского бытия вдали от культурных центров за политические убеждения, люди бесправные, за которыми уже многие годы следило недреманное око полицейских чинов различных рангов. Во главе этих людей стоял ссыльный из села Шушенского — Владимир Ильич Ульянов.

Второе событие имело место недалеко от города Павлодара, в степях левобережья Иртыша. О нем информировано было само правительство Российской империи в лице всемогущего министра финансов С. Ю. Витте. Инициатором его был известный во всем мире великий русский ученый Дмитрий Иванович Менделеев.

Оба эти события несопоставимы ни по своим масштабам, ни по своим результатам, они совпадают только во времени. И все же, если взглянуть на то, как развивались последствия этих событий, мы обнаружим между ними глубинную связь.

Менделеев не смог воплотить намеченных планов в действительность, ибо пути, по которым он намерен был идти, вели в тупик. И, хотя он был искренен в своих побуждениях принести пользу Родине, цель, какую он преследовал, посылая одного из своих помощников в Павлодарское Прииртышье, так и не была достигнута, как, впрочем, и многое из того, что задумывал наш великий ученый...

Осуществление того, что намечал Менделеев, оказалось возможным благодаря тому, что в августе 1899 года бесправные ссыльные собрались на нелегальное совещание в присаянском таежном селе. Программа, выработанная ими и названная в целях конспирации так: «Собрание социал-демократов одной местности, в числе семнадцати человек, приняло единогласно следующую резолюцию и постановило опубликовать ее и передать на обсуждение всем товарищам», а впоследствии известная под названием «Протест российских социал-демократов», помогла направить усилия тысяч и тысяч людей России на достижение социальной революции, в условиях которой только и смогли стать реальностью мечты и чаяния передовых людей тогдашней России.

Автором «Протеста» был В. И. Ульянов².

Документ, родившийся в селе Ермаковском на рубеже нового века, знаменовал собой важнейший этап в истории нашего общества, этап, от которого уже вела прямая дорога в будущее, к великим свершениям социализма. После совещания в селе Ермаковском оставалось немногим менее двадцати лет до Великой Октябрьской социалистической революции. И мы с полным правом можем назвать участников этого совещания великими предвестниками будущих великих дел, в числе которых было и осуществление мечтаний и замыслов многих передовых людей нашего Отечества, предвидевших будущее, но не знавших верных путей к нему и нередко растрачивающих свои силы и таланты впустую, без видимых результатов.

И если мы вернемся ко второму событию, которое происходило тоже в августе 1899 года в Прииртышье, то увидим, что мечты Менделеева об использовании для блага народа природных богатств, так и оставшиеся мечтами при его жизни, нашли свое реальное воплощение только после победы Октября, а в наши дни достигли таких высот, о которых Менделеев и мечтать не мог...

Но не прост и не быстр был путь к этому...

ГОРОД НА СОЛИ

Города в Зауралье обычно возникали как торговые центры или как крепости, а чаще всего сочетая в себе и то и другое.

Павлодар возник иначе...

В 1713 году сибирский губернатор князь Матвей Гагарин прислал Петру I горсть золотого песку, добытого якобы близ города Яркента, подвластного в те годы джунгарскому контайше Цеван-Рабтану.

Гагарин легкомысленно поверил бухарским купцам-авантюристам, приехавшим в Тобольск на одну из ярмарок, и сообщил Петру, что от города Тары до Яркента можно дойти в два с половиной месяца, что стоит только от Ямышева-озера протянуть на юг через Джунгарию цепь укреплений, как золото само потечет в царскую казну.

Казна нуждалась в золоте, а Петр был скор на решения. Он немедленно снаряжает экспедицию под началом подполковника И. Д. Бухолца (Бухгольца) и на донесении Гагарина собственноручно пишет: «Построить город у озера Ямышева или выше, идти по реке вверх, пока продолжится лодочный ход, потом следовать далее, для овладения Яркеном, взять людей тысячи две, употребить из пленных Шведов, артиллерию и минералогию знающих, только не более трети против наших офицеров»³.

Летом 1715 года Бухолц отправился из Тобольска вверх по Иртышу. В его отряде насчитывалось 2800 человек.

Экспедиция была подготовлена Гагариным плохо. В отряд вошли не обученные военному делу, «такие, которые ничего экзерциции не знали и не стреливали и с негодным ружьем, и у них ничего воинского не было», — сообщал в Петербург Бухолц⁴. После трудной зимовки у Ямышевского озера, в осаде, которую вели войска джунгарского тайши Церен Дондоба, Бухолц вынужден был апрельской ночью 1716 года бежать по Иртышу на уцелевших дощаниках. С остатками войска (едва 700 человек) он остановился в устье Оми, где и заложил крепость, будущий город Омск.

Так закончился поход за мифическим золотом...

Однако подлинное сокровище, которое для тогдашнего населения Сибири, да и не только Сибири, было во много раз нужнее, чем далекие клады азиатских земель, лежало именно в тех местах, где зимовал незадачливый Бухолц. Озеро Ямышевское и к северу от него Коряковское хранили неисчерпаемые запасы поваренной соли. Местные жители — казахи, видевшие в русских защитников от кровавого террора джунгарских владык, давно уже показали тарским и тобольским жителям эти соляные клады.

И вот, в 1720 году, когда Гагарин, уличенный во многих злоупотреблениях и легкомысленных деяниях, был объявлен Петром «плутом и недобрым человеком» и ожидал петли, в устье речки Усолки, впадавшей в Иртыш к северу от Ямышевского озера, был основан Коряковский форпост. И, хотя это маленькое русское селение носило военное имя, назначение его было сугубо иным...

Не для того чтобы охранять пути к сказочным сокровищам востока и юга Азии, не для военного противодействия джунгарам было основано это селение. Коряковский форпост был действительно передовым укреплением, однако не военным, а первым форпостом промышленности в Среднем Прииртышье. В Коряковском жили семьи сибирских крестьян, занимались они хлебопашеством и заготовкой соли...

Форпост рос. С каждым годом все больше требовали соли города и села Сибири и Урала. На берегу Иртыша высятся ослепи-

тельно белые горы, деревянные сараи уже не вмещают всю добытую соль. В 1765 году на Коряковском форпосте оборудуется пристань. Караваны речных судов все лето спускаются по Иртышу, тяжело груженные солью...

Но вскоре в прииртышских степях снова запахло золотом, и на этот раз не мифическим. С помощью местных жителей, казахов-пастухов, поисковые партии русских промышленников открывают в степи одно за другим месторождения золота, меди, свинца, каменного угля. В Коряковский форпост стекаются купцы и промышленники, их лазутчики и просто любители легкой наживы. Форпост переименовывают в слободу. С середины 1830-х годов она важный торгово-промышленный центр казахского Прииртышья и соседних районов Западной Сибири. Слобода стремительно растет и в 1861 году получает статус районного города Семипалатинской области и новое имя — Павлодар.

К началу XX века павлодарские купцы и промышленники становятся одними из самых богатых в среднем Прииртышье. Их состояния растут за счет безудержной эксплуатации местного населения и переселенцев, спекуляций богатствами края...

Клады казахских степей, поверхностно разведанные, становились предметом перепродажи, биржевых махинаций, многие из них, как, например, богатейшие залежи полезных ископаемых на Алтае, в Центральном Казахстане, в Прибалхашье, попадали в конечном счете в руки иностранных капиталистов-концессионеров...

Такая судьба постигла и огромные залежи каменного угля, обнаруженные недалеко от Павлодара в заиртышских степях, в окрестностях соленого озера со странным названием — Экибастуз, что по-русски значит «две соленые головы»...

СТЕПНОЙ КЛАД

Мне не один раз приходилось бывать в степях Центрального Казахстана. Это, скорее, не степи, а нечто среднее между степью и пустыней. За год здесь выпадает в среднем не более 300 миллиметров осадков — нищенская норма. В конце лета эти места представляют собой унылое зрелище — бурая, высохшая под жгучим солнцем и палящими ветрами трава на тонком, усеянном мелкими камнями слое земли, шары перекаати-поле, неостановимо мчащиеся по воле ветра, серые плешины солончаков, ослепительно белые края соленых озер, лишь кое-где украшенные красной солянкой...

Вот в таком месте и был обнаружен бесценный клад природы — уникальное месторождение каменного угля...

По-разному говорят о его открытии. Наиболее устойчиво связывают находку месторождения близ озера Экибастуз с именем казаха Косума Пшенбаева. Кто был этот казах, след от которого до наших дней сохранился в Казахстане? И сейчас его именем называют в Павлодарском Прииртышье отдельные приметные ме-

ста — Косумова балка, Косумов камень, в Баян-Аульских горах есть «Косумова пещера», на старых картах угольного месторождения рядом с озером Экибастуз помечен «Косумовский разнос» (разрез по-современному).

Летом 1957 года мне довелось побывать в Павлодаре и встретиться там с Дмитрием Поликарповичем Багаевым, директором тамошнего краеведческого музея, прекрасным знатоком Прииртышья, создателем уникальной фотологиписи Казахстана и Западной Сибири, которую он вел почти с начала века. Багаев рассказал мне о Пшенбаеве, а потом по моей просьбе и написал об этом: «Косум состоял на службе у купца Дерова и занимался поиском месторождений, постоянно разъезжая по степи, каждый раз привозил новые заявки. Я начал свою службу у Дерова в 1899 году и был вроде секретаря у Косума. Косум говорил по-русски, но грамоте не знал, а потому с его слов я писал черновики, которые потом дорабатывал штейгер Деменев, а после для отправки в Томское горное управление опять переписывал я»⁵.

Багаев рассказал мне наиболее распространенную легенду об открытии Косумом месторождения. Косум обнаружил около норы суслика в холмике выброшенной земли кусочки каменного угля и, для того чтобы отметить место и закрепить находку, положил рядом два лошадиных черепа и кусок соли (эки — «два», бас — «голова», туз — «соль»). Возможно, было и так. Во всяком случае сейчас бесспорно одно — Косум Пшенбаев был первооткрывателем Экибастузского угольного месторождения: найдена заявка верхотурского купца А. Бернардаки на это месторождение, обнаруженное поисковой партией казахов 12 июня 1867 года. В заявке перечислены имена участников партии, на первом месте — Косум Пшенбаев⁶.

И все же думается, что название озера и вместе с ним название месторождения не имеют отношения к находке Косума. На наш взгляд, более прав бывший директор кирпичного завода в поселке Экибастуз, ныне ветеран труда Ж. Омашев — он выводил название озера от могилы Экибаса, казаха, одного из четырех братьев, живших в ауле Туз, где, кстати, жил одно время и Косум Пшенбаев⁷.

История Экибастузского угольного месторождения еще не написана. Многие ее подробности скрыты в архивах и ждут своего исследователя. В истории Экибастуза, даже в самых общих ее чертах и в отдельных частностях, мы находим много поучительного и своеобразного. Тут и характерное для царской России острое противоречие между ничем не утоляемой жадной наживы и реальными возможностями доморощенных капиталистов, и грабительские действия иностранных хищников, и самоотверженная борьба рабочих с произволом хозяев, и зарождение интернациональной дружбы в рядах экибастузского пролетариата, состоявшего из казахов, русских, украинцев, татар, и героические действия шахтеров Экибастуза против интервентов и белогвардейских банд во время гражданской войны...

Находим мы в истории Экибастуза и дорогие нам имена людей, которые предвидели будущее этого края, и не только предвидели, но и принимали меры к тому, чтобы сокровище казахских степей встало на службу народу...

НАЧАЛО

Экибастузским месторождением начали всерьез интересоваться лишь в 90-е годы минувшего столетия, то есть спустя почти три десятилетия после его открытия. Толчком послужили работы по проведению Сибирской железной дороги, для которой необходимо было много топлива. Крупные русские инженеры А. А. Краснопольский и А. К. Мейстер в середине 1890-х годов побывали на месторождении, обследовали его размеры и качество углей. В конце 1890-х годов инженеры Бар де Кателен и Страус определили запасы каменного угля в Экибастузе в триста миллиардов пудов, что в пересчете на тонны составляет около пяти миллиардов тонн⁸.

Хозяином экибастузских залежей стал к этому времени павлодарский купец А. Деров, у него, как мы уже знаем, служил Косум Пшенбаев. Однако павлодарскому воротиле одному было не под силу освоить это месторождение. Он создает акционерное «Воскресенское горно-промышленное общество», в ведение которого наряду с другими сокровищами, найденными в степи, поступает и угольное месторождение близ озера Экибастуз. Половину акций этого общества Деров оставляет за собой, надеясь в конце концов стать полновластным хозяином степных сокровищ.

Во второй половине 1890-х годов в русской специальной и общей печати все чаще и чаще появляются материалы об Экибастузе. Однако перспективы его развития туманны, они подчинены стихийным процессам, управлявшим тогдашней российской промышленностью. Первым о рациональном использовании Экибастузского угольного месторождения полным голосом заговорил Д. И. Менделеев.

Ученый был обеспокоен упадком уральской железной промышленности, особенно заметным на фоне развития индустрии юга России на базе криворожских руд и донецкого угля.

Менделеев понимал причины такого упадка. Он видел их в «рутинном ведении всех дел, богатыми, вне Урала живущими, хозяевами через местных управляющих. Начинателям более не было места: на Урал стали глядеть только — как на источник доходов, и вся жизнь там уложилась в рамки доходных статей... Урал жил старой своей жизнью, по рутине»⁹. В своем анализе Менделеев касается и социальных причин упадка — «неустроенность уральского крестьянина... незаконченность землевладельческих отношений». Он пишет: «Разделенные между казенными, посессионными и частными заводами земли главной части Урала еще находятся и поныне в том положении, в какое была поставлена Россия при самом почине освобождения крестьян, то есть полные «наделы» крестьян еще не сделаны»¹⁰.

Менделеев правильно уловил противоречие между существующим социальным устройством и новыми экономическими условиями, в которые вступила российская промышленность в связи с развитием в стране капитализма. Однако, поняв это, он не смог пойти дальше. Главное внимание Менделеев устремляет на изменение технологических процессов, что, по его мнению, поможет вывести уральскую железную промышленность из состояния упадка. Он видит, что многие заводы на Урале существуют на пределе своих возможностей, стоят на грани ликвидации из-за недостатка древесного топлива, а уральские каменные угли не могут быть использованы в металлургии из-за их низкого качества. Менделеев тщательно изучает этот вопрос, подсчитывает запасы железной руды и топлива на Урале. По руде его выводы оптимистичны: «ныне известных (крестьянами открытых) руд достанет лет на 200», а далее, говорит он, будут открыты руды «в глубинах» и научатся эффективно использовать более бедные руды. Что касается топлива, то Менделеев в своих выводах осторожен. Вопрос обеспечения им он связывает прежде всего с развитием путей сообщения, рациональным использованием имеющихся запасов и поисками новых: «...не за рудами железа может быть какая-либо задержка в скором дальнейшем развитии железного дела, на Урале нужны железные дороги, которые дешево подвозили бы руду к топливу, необходимы запасы этого последнего»¹¹.

И вот когда в 1899 году Д. И. Менделеев вместе с группой инженеров и ученых отправляется на Урал с целью изучить положение с уральской железной промышленностью и найти пути ее дальнейшего развития, наибольшее внимание он уделяет вопросам обеспечения топливом. К использованию каменного угля он относится скептически, считая, что именно технологические процессы получения железа с помощью древесного угля и создали всемирную славу уральскому железу. Однако он не исключает возможности применения новой технологии в железном деле, с успехом применяемой на юге России. И его взгляд устремляется прежде всего на Экибастузское месторождение. Одно из своих спутников, технолога Главной палаты мер и весов, имевшего опыт работы на металлургических заводах,— Константина Михайловича Егорова он направляет в Киргизскую степь, как тогда называли территорию Казахстана.

Менделеев имел обыкновение все проверять с помощью цифровых выкладок и статистических показателей. Умение владеть цифрами было заложено в нем еще с детства, его матерью, когда она вела дела Аремзянского стекольного завода. Поэтому Менделеев не просто дает задание Егорову проверить фактические данные, а уточняет: «Главная цель экибастузской поездки сводится к ответу на вопрос, может ли Экибастуз дать достаточное количество кокса или коксующегося каменного угля по цене близкой к существующей на Урале стоимости угля древесного»¹².

Уже на пути в Омск и в самом Омске Егоров понял, что старое представление о Зауралье и степных просторах, лежащих к югу от сибирской железной дороги, как о территориях бедных природными богатствами и энергичными людьми ошибочно. Он увидел богатый край, населенный людьми, которые любили и умели трудиться. «Степь начинает оживать и становится местом промышленного движения. Толчок этому дала железная дорога и теперь отовсюду поступают заявки на каменный уголь, медную и железную руду... Пространства от Омска до Балхаша уже нельзя рассматривать как место, назначенное только для жизни и благополучия кочевников», — писал он в отчете о своей поездке¹³.

На четвертые сутки, водой по Иртышу, на лошадях по берегу, с различными приключениями, Егоров добрался из Омска до Павлодара. Город встретил его широкими, заросшими травой конопкой улицами, саманными домами, крыльями многочисленных ветряных мельниц на окраинах.

В Павлодаре он познакомился с А. Деровым. Прииртышский богатей принял столичного гостя в казахской юрте, поставленной во дворе его городской усадьбы.

Деров охотно посвятил Егорова в степные дела. Степь Деров воспринимал как место будущей обширной горнозаводской промышленности, которой сейчас не хватало двух опор — систематической, постоянной разведки недр и путей сообщения. «Воскресенское горно-промышленное общество» уже начало строить железную дорогу от пристани на Иртыше до месторождения, рассчитывая выгодно торговать каменным углем, таким нужным для пароходства и для сибирского железнодорожного пути. В перспективе общество рассчитывало и на продажу угля и кокса уральским заводам.

На следующий день Егоров отправился к месторождению угля. Сначала на лошадях, потом по железной дороге, где Егоров с удивлением увидел новенькие американские локомотивы фирмы «Болдвин», тянувшие за собой полные углем отечественные вагонетки, сработанные на мальцевских заводах.

Затем снова пришлось пересечь на лошадей — дорога еще не пошла к Экибастузу.

На вторые сутки Егоров увидел вышки Владимирского рудника, главного в то время в месторождении, возвышавшиеся неподалеку от ослепительно белых, словно покрытых снегом, берегов озера Экибастуз.

Егоров писал в отчете, что картина разработки месторождения в Экибастузе показалась ему каким-то становищем времен Тамерлана: «На обширной площади, прямо в степи, стояли вперемежку юрты, дома, досчатые сараи, землянки, все это просторно раскинулось около вышки, построенной над шахтой, у которой на зеленой степной траве лежали черные груды каменного угля. В степи подальше виднелись опять юрты: около одной из них костер с вся-

щим на нем котлом, а совсем далеко опять группа каких-то юрт. Верблюды в упряжке везут груз, и их дикий прерывающийся крик несется по степному простору»¹⁴.

Разработка месторождения велась по-кустарному. Уголь из шахты поднимали с помощью конного ворота, порода от угля отделялась детьми казахов, добытый уголь ссыпался с помощью ручных тачек в огромные кучи. Только в одной из шахт начинались работы по устройству подъемных машин с помощью паровых двигателей.

Побывал Егоров и в шахтах, темных, сырых, осматривал их при свете факелов и свечей. Уже беглое знакомство показало исключительность месторождения — штреки шли в сплошном угле, пласты достигали толщины в несколько сажен, ряд проб показывал на коксующийся уголь.

Август выдался на редкость неудачным для этих мест — все время шли дожди, шахты заливало водой, помещений для сушки одежды не было. Все это Егоров зафиксировал в своей записке Менделееву.

Егоров объехал границы месторождения и во многих местах видел выходы угля на поверхность. Шурфы подтверждали близкое от поверхности залегание мощных угольных пластов. Ознакомление с границами месторождения убедило Егорова в правоте взгляда, что оно «рассматривается как один каменноугольный бассейн, пласты которого образуют род чаши (мульды или пласта, выпуклостью обращенной в глубь земли)»¹⁵. Похоже, что уголь был высокого качества — даже «в обыкновенных кострах, разводимых на месте для варки пищи, уже встречается много кусков кокса», — пишет Егоров. Он ставит опыты получения кокса в небольших лабораторных печах и получает обнадеживающие результаты. Это позволило ему сделать вывод, что имеются целые пласты коксующихся углей: «...один только пласт, а именно Мартовский, даст хороший кокс, при его мощности в 1,1 сажени кокса хватило бы на весь Урал»¹⁶.

Так Егоров ответил на один из вопросов Менделеева. Что касается стоимости доставки угля на Урал, то Егоров приводит расчеты в двух вариантах: при существующем положении, и при постройке железной дороги Петропавловск — Павлодар. При первом варианте стоимость доставки экибастузского угля в Златоуст будет равна от 16 до 18 копеек за пуд, при втором — около 15 копеек за пуд при дальнейшем значительном уменьшении цены, так как станет возможной круглогодичная вывозка угля, а не только в зависимости от навигации на Иртыше.

Коснулся Егоров и возможностей использования угля Экибастуза для нужд местной металлургии. Он побывал на небольшом медеплавильном заводе, работавшем на местной руде. Егоров осторожен в выводах: заявок на рудные богатства (медь, серебро, свинец и т. д.) поступает много, «но, к сожалению, за серьезную разработку принимаются очень немногие, а для остальных это род игры на бирже»¹⁷, — пишет он.

Егоров сочувственно пишет об экибастузских шахтерах, строителях, принадлежавших к трем национальностям — русским, казахам и татарам. Особенно высоко он оценивает специалистов-горняков: «Все это бывшие воспитанники средних технических школ, еще очень молодые, но уже много поработавшие на рудниках и заводах, — штейгера, механики и т. д. Тяжелая жизнь в степи не испугала их, как и работа, которую они повели с полным знанием и опытом прошлого. Приятно было убедиться воочию, что в технической и промышленной России уже народился и вырос образованный и знающий контингент среди технических сил... Многие из присутствовавших здесь лиц жили здесь с женами и детьми, и весь Экибастуз в совокупности производит впечатление боевого технического поста России, почти заново завоевывавшего громадную область с неизведанными еще богатствами»¹⁸.

13 августа Егоров, переполненный впечатлениями и планами будущего Экибастуза, выехал к Менделееву...

ВЗГЛЯД МЕНДЕЛЕЕВА

В конце июля Менделеев, возвращаясь из Тобольска и осмотрев на Урале многие заводы, прибыл в Кыштым. Он намеревался побывать на горе Магнитной, не разведанной в то время полностью, но о запасах руды в которой ходили самые фантастические суждения. Хотел он проехать и на Бакальский рудник и по пути осмотреть южноуральские — уфимские и оренбургские — железные заводы, однако в ночь после выезда из Кыштыма застарелая болезнь помешала осуществить эти планы — у Менделеева пошла кровь горлом, и он, несмотря на великую охоту продолжать поездку, вынужден был из Златоуста вернуться домой. «Что же касается до того, чего я не досмотрел сам, — писал он, — то я ехал вполне уверенный в том, в чем и не обманулся, что мои деятельные сотрудники без меня все доделают, что было намечено в Екатеринбурге...»¹⁹

Да и спешил он домой — предстояла громадная работа по общению всех собранных материалов, составлению отчета о поездке для министерства финансов, субсидировавшего ее, осмысление многих идей, появившихся во время вояжа ученого по Сибири и Уралу...

Кроме собственных наблюдений и отчетов своих сотрудников Менделеев пользовался еще различного рода записками, статистическими таблицами, разнообразными сведениями и документами, которые поставляли ему по его просьбам промышленные, административные и научные деятели Урала. Все эти материалы занимают более 250 страниц книги «Уральская железная промышленность». Среди этих материалов мы находим сведения о заводах, документы по истории уральской промышленности, описания рудников, анализы свойств различных полезных ископаемых, очерки экономического значения природных ресурсов Урала и их рационального использования и т. п.

Отдельную главу своей книги Менделеев посвящает исследованию настоящего и будущего лесов Урала. Глава эта названа так: «Измерение деревьев и другие данные о приросте лесов в Уральских краях». Он констатирует, что «древесное топливо составляет доныне единственную основу железных дел на Урале», и склонен к тому, чтобы это положение не менялось — «если каменный уголь и торф примут в ней (в железной промышленности.— В. У.) большее участие, то все же не исключат дерева, которое по своей чистоте придает уральскому железу особую ценность, а по обширности лесов и сравнительной дешевизне их может содействовать и удешевлению»²⁰.

Обстоятельно, с учетом различных факторов — климата, путей сообщения, расстояний до заводов — Менделеев рассматривает судьбу уральских и прилегающих к ним лесов. Со свойственной ему прозорливостью и основательностью он не ограничивается только задачами дня. Касаясь использования лесов на Оби и Иртыше, например, он учитывает возможность сбыта древесины морским путем после «открытия правильного сообщения по Карскому морю». В то время такое утверждение было по меньшей мере смелым, однако спустя четверть века, уже при Советской власти, начали работать так называемые Карские экспедиции, одним из предметов зарубежной торговли которых была западносибирская древесина. Вместе с тем Менделеев заглядывает далеко вперед: «...никоим образом не следует допустить даже начала истощения лесов», — говорит он и рассматривает леса Урала как природоохранную зону, как необходимую для людей среду существования: «Истощите тут леса, пустынными станут не только самые горы, но плоскости, населенные миллионами...» Он намечает меры, препятствующие истощению лесов, исходя из совершенно конкретных сведений о приросте различных пород деревьев в различных климатических и почвенных зонах Урала и Приуралья.

Все эти сведения и изыскания нужны Менделееву для определения возможностей использования лесов Урала в железной промышленности. Менделеев рассчитывает потребность в топливе на один пуд выделяемого железа и берет этот показатель за основу всех своих дальнейших выводов. Он вычисляет, что для производства пуда железа (при тогдашней технологии) потребуется в среднем около трех пудов каменного угля, а древесного только один пуд (при исходных четырех пудах дров). Учитывая опыт Англии, Бельгии и Германии, а также географическое положение уральских железных заводов, он делает вывод, что выгоднее пользоваться на Урале древесным углем, а не каменным. Менделеев пишет, что при разумном устройстве железных дорог «Уралу — даже без посторонних источников (вроде Экибастузских углей) можно свободно увеличить свое производство не в 2 или 3 раза, а даже в 4 или 5 раз, то есть можно восполнить всю современную русскую потребность в железе»²¹. Вывод его в отношении экибастузского угля осторожен: «Если в Экибастузе, например, кокс будет дешевле и провоз туда и обратно легок и удобен, конечно, готовые уральские за-

воды может статься и будут находить выгоду выписывать часть этого кокса к себе, но лишь в придачу к своему местному топливу, а не для крупного расширения всей русской железной промышленности на новых заводах, потому что для нее манера эта не подходит, лучше уж вести южно-уральские руды в Экибастуз, чем из него кокс или каменный уголь возить на Урал»²².

Менделеев, несмотря на свои знания, способность видеть далеко вперед, таланты, веру в будущее России и любовь к России, не мог провидеть истинных масштабов освоения природных богатств своей страны. Он был сыном своего времени и не мог понять, что для осуществления многого из того, что он предвидел, необходимо прежде всего изменение социального строя жизни. Он поверил в грандиозность Экибастузского месторождения, но определить истинное будущее этого уникального месторождения ему не было дано...

Развитие Экибастуза шло своим путем...

ПУТЬ ЭКИБАСТУЗА

«Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге», изданный в 1900 году Министерством путей сообщения, весьма оптимистично оценивал будущее Экибастуза. «Развитие разработки Экибастузских копей, несомненно, должно повлиять не только на оживление горного промысла в богатой минералами Киргизско-степной окраине, но и на насаждение в районе Великой Сибирской магистрали заводско-фабричных производств, нуждающихся в дешевом неисчерпаемом горючем материале» — так говорится в этом официальном издании²³.

Промышленники связывали экибастузский уголь не только с железной дорогой и водными путями Сибири. Взор их был обращен также и на Урал. Французский экономист Кл. Оланьон в своей книге о будущем Сибири приводит подробные расчеты стоимости использования экибастузского угля уральскими заводами. Он пишет, что «если бы предварительно промытый экибастузский уголь коксовать в специальных печах, то... может быть такой продукт мог быть с успехом вывезен на Урал для доменной плавки»²⁴.

Однако оптимизм промышленников и официальных кругов не оправдался. Ни Деров, ни акционерное общество не смогли освоить богатств Экибастуза. И несмотря на то что общество получало ссуды от государственного банка и частных компаний, пыталось удвоить свой капитал и довести количество акций до шести миллионов рублей, оно обанкротилось, и Экибастуз попал в руки концессионера, англичанина Лесли Уркарта...

Уркарт прикрылся вывеской «Киргизского горно-промышленного общества». Первоначально он использовал экибастузский уголь для свинцового завода, построенного на пристани Ермак в начале железной дороги, ведущей от Иртыша к Экибастузу. Свинцовая руда доставлялась по Иртышу из Риддеровского месторождения на Алтае, частично тоже принадлежавшего Уркарту.

Затем в 1914 году он организовал два самостоятельных акционерных общества — «Риддерское горно-промышленное» и «Экибастузские каменноугольные копи».

Началась безудержная эксплуатация месторождения и рабочих шахтеров. Уркарт и его доверенные действовали в казахских степях так, словно они были в Центральной Африке и работали на них рабы-негры. Экибастузские рабочие жили в саманных землянках по пять-шесть семей в каждой, работали по двенадцать — шестнадцать часов в сутки. Сохранилось письмо рабочих-шахтеров на имя степного генерал-губернатора, которому тогда по административной линии была подчинена часть территории нынешнего Казахстана:

«...Мы дошли до того, что при всем нашем желании продолжать работать не могли этого сделать, потому что, не получая потребного количества даже хлеба, обессилели и продолжать работать были не в состоянии... Большая часть из нас до того обносилась, что остались мы без ношобного платья и сапог, и мы, чтобы не лишиться права на получение выдаваемого конторой куска хлеба, полунагие работали в шахтах, по выходе из которых в грязном и мокром белье не имели для обмена другого...»²⁵

Шахтеры часто бастовали. С забастовщиками Уркарт расправлялся жестоко, местные власти шли ему в этом навстречу.

Весть об Октябрьской революции пришла в Экибастуз в ноябре 1917 года. Однако это известие имело для рабочих-шахтеров неожиданные последствия — управляющий шахтами перестал выплачивать рабочим деньги и по его приказу из лавки исчезли сахар, мясо, жиры. На возмущение шахтеров он отвечал: «Во всем виноваты большевики, они национализировали банки и у Правления нет денег».

В феврале 1918 года в Павлодаре была установлена Советская власть. Шахтеры Экибастуза незадолго перед этим выбрали делегацию и послали ее в Омск. Вскоре в Экибастуз с группой красногвардейцев прибыл посланный Омским Советом рабочих, крестьянских и солдатских депутатов специальный комиссар Степан Ионович Царев, петроградский рабочий. В Экибастузе возникла первая большевистская организация. В нее стали вступать многие шахтеры. Среди них был и Михаил Трофимович Пустовитов, который оставил воспоминания о тех днях²⁶. Вот что он писал:

«Предприятие мы национализировали. Патрулей обезоружили и вместе со старой администрацией выслали из Экибастуза. На шахтах налаживалась нормальная жизнь, рабочие стали получать зарплату, в лавке появилось продовольствие и промышленные товары. Пошла на увеличение и добыча угля. Но и контрреволюционеры тоже не дремали. Изгнанные из Экибастуза бывший управляющий и его свита обосновались в Ермаке, развернули там агитацию против экибастузских большевиков. В апреле 1918 года комиссар Царев с небольшой группой красногвардейцев выехал в служебную командировку в Омск и остановился в Ермаке. Узнав об этом, белогвардейцы собрали около гостиницы, в которой нахо-

дился Царев, толпу одурманенных ими людей и потребовали, чтобы тот к ним вышел. Выйдя на крыльцо гостиницы, Царев попытался говорить, но в это время двое из толпы стащили Царева с крыльца и начали колотить его штыками...»²⁷

Так погиб первый большевистский руководитель экибастузских шахтеров. Тело Царева удалось вырвать из рук бандитов и увезти в Экибастуз, где оно и было похоронено. Место погибшего занял комиссар Матвей Федорович Ошурков. Командиром Красной гвардии в Экибастузе стал военнопленный венгр Петр Бук²⁸.

«В мае 1918 года,— продолжает вспоминать Пустовитов,— мы получили телеграмму из Омского Совета, в которой сообщалось о движении на Омск восставшего чехословацкого корпуса. Шахтеры Экибастуза призывались встать на защиту Омска. Было решено послать туда добровольцев. Записалось сто человек. В их числе были товарищи Дорофеев Е. П., Черепов А. В., братья Соколовские, отец и сын Репченко, Дегтярев, Великжанин, Павел Борков, Гоменюк, Иващенко, Рыжов, Васильев и другие. Записался в этот отряд и я».

Экибастузцы мужественно сражались с контрреволюцией. Первое боевое крещение они приняли под Омском, на станции Марьяновка, бок о бок с омскими рабочими. Эти бои закончились поражением рабочих отрядов. Многие из защитников Советской власти погибли, а оставшиеся в живых были взяты в плен и посажены в лагерь. И тут экибастузцы встретились еще раз с управляющим шахтами (с приходом интервентов он снова получил власть). Управляющий не забыл шахтеров, которые выставили его из Экибастуза, специально приехал в лагерь, чтобы отыскать оставшихся в живых и насладиться мезью. Он охарактеризовал шахтеров как опаснейших врагов власти. Администрация лагеря немедленно отравила их в Тобольскую каторжную тюрьму, слава об ужасах которой вышла далеко за пределы Прииртышья.

Осенью 1918 года заключенные Тобольской тюрьмы подняли восстание. Поначалу оно развернулось удачно: восставшие пробились во двор, выломали четверо ворот. Осталось преодолеть последнее препятствие — пятые ворота, за ними — желанная свобода. Но к этому времени подоспели регулярные войска тобольского гарнизона...

Неравный бой длился всю ночь. Утром войска ворвались в тюрьму. Началась дикая расправа. Более пятисот заключенных было убито, остальные брошены в карцеры, посажены на хлеб и воду.

Около года провели экибастузские шахтеры в стенах тюрьмы. Осенью 1919 года, когда Красная Армия подходила к Тобольску, беспощадно выбивая из-под ног колчаковцев опору за опорой, заключенных Тобольской тюрьмы погрузили в баржи и отправили в Томск.

Это был страшный путь. Каждый день умирали десятки людей от истощения, побоев, тифа, дизентерии. Начальник конвоя, садист Злыгастев, ежедневно расстреливал по десять — пятнадцать чело-

век... Уцелевшие после этого страдного пути были в Томске погружены в «поезд смерти» и отправлены на Восток.

Из ста шахтеров, которые в мае 1918 года ушли из Экибастуза защищать Советскую власть, уцелели немногие — Пустовитов, Черепов, Соколовский и еще несколько человек. Они спаслись из «поезда смерти», участвовали в партизанских боях против колчаковцев, освобождали Иркутск, а затем с боями дошли до Владивостока.

Не зря боролись экибастузские шахтеры за новую жизнь, не зря отдавали за нее молодые жизни. Молодая республика уже заботилась о будущем сокровищ казахских степей, стремилась поставить его на службу Родине...

«ГЛАВНОЕ ИЗ ВСЕХ ВОПРОСОВ.— ЭКИБАСТУЗ...»

Всего восемнадцать лет прошло с тех дней, когда в селе Ермаковском собрались ссыльные на свое совещание, определившее путь революционной борьбы на ближайшие десятилетия. И вот этот путь привел к победе — Владимир Ильич Ульянов, возглавивший первое в мире социалистическое государство, положил начало социальным, экономическим, культурным и другим изменениям в бывшей царской России. Не миновали острого взгляда Ленина и его соратников и степные клады Экибастуза.

В те дни, когда экибастузские шахтеры уходили сражаться за Советскую власть, Ленин подписал в Москве постановление Совнаркома, в котором говорилось:

«Совет Народных Комиссаров постановил национализировать Экибастузские копи Киргизского горно-промышленного общества, цинково-свинцовые заводы и Воскресенскую железную дорогу того же Общества»²⁹. Тогда же были выделены из государственных средств три миллиона рублей Западно-Сибирскому казначейству в счет будущей сметы на расходы по восстановлению копей и цинково-свинцовых заводов.

Но менее чем через месяц после этого утром 3 июня 1918 года в Павлодар ворвались банды анненковцев. Около полутора лет Прииртышье было во власти самого свирепого казачье-кулацкого террора. Только 29 ноября 1919 года Красная Армия освободила Павлодар и степи вокруг него от белоказачьих банд.

Время настало сложное и трудное. Молодая Советская республика справилась с иностранной военной интервенцией, завоевала прочные политические позиции в стране, надо было приступить к мирному строительству. На VIII Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 года В. И. Ленин выдвинул план создания экономического фундамента социализма, кардинального преобразования экономики отсталой России. В целях ускорения восстановления крупной промышленности и улучшения материального положения рабочих и крестьян Ленин обосновал принципиальную допустимость концессий. Немаловажное значение Ленин придавал и по-

литической стороне этого вопроса. Видный советский дипломат Л. Б. Красин в те годы уже вел переговоры в Лондоне с представителями капиталистических фирм, среди которых был и Лесли Уркарт, о заключении концессионных договоров.

Уркарт рассчитывал получить концессии на свои прежние владения в казахских просторах. Стремление к прибыли от эксплуатации богатств Алтая и Экибастуза оказалось в нем сильнее ненависти к Советскому государству.

4 сентября 1922 года Ленин пишет в Политбюро РКП(б): «Дать концессию Уркарту только при условии предоставления нам большого займа»³⁰. Однако Уркарт желает сначала получить доходы, а потом уже платить за концессию. Ленин еще раз взвешивает положительные и отрицательные стороны договора с Уркартом. Он пишет специальную записку в Госплан и ВСНХ. В ней он просит «проверить еще раз вопрос об этой концессии». Основной упор Ленин делает на Экибастуз: «Главное из всех вопросов, — Экибастуз и его значение для Урала». Далее Ленин пишет:

«Меня очень удивило, что Богданов обмолвился. «Кузбасс blijе» (он много дальше); а т. Кржижановский сказал, что я придерживаюсь устарелых и отвергнутых взглядов Менделеева. Какой тут может быть спор, когда Экибастуз имеет ветку к Иртышу и обеспечивает несравненно более близкий и дешевый водный транспорт к Уралу? в чем тут суть?»

Если Кузбасс гораздо дороже и дальше (транспорт не по воде), то мы не вправе отдать Уркарту всего Экибастуза; возьми $\frac{1}{2}$ — пожалуйста.

Прошу Вас показать это письмо только Кржижановскому; не передавать этой проверки ни в чьи чужие руки; произвести ее самому (конечно, все статистические цифры о размерах и местах добычи цинка, меди и проч. вам доставит любой чиновник, не зная, для чего это пойдет); черкнуть мне, беретесь ли и скоро ли расчитываете закончить»³¹.

В конце октября 1922 года, когда уже существовал предварительный текст договора с Уркартом, Ленин еще раз внимательно его рассматривает и пишет «дополнение к условиям договора»:

«1) Еще: надо уменьшить территорию концессии, непременно обеспечив за РСФСР достаточную для Урала часть Экибастуза (не менее $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{6}$).

2) главное: надо понизить суммы, получаемые Уркартом, так, чтобы наш доход не отодвигался до 1934 (?) года»³².

Ленин пристально следит за переговорами с Уркартом, поправляет где нужно Красина, не стесняется в выражениях, когда характеризует «требования» Уркарта: «это кабала и грабж». Он прозорливо видит в экибастузских углях энергетическую основу для развития металлургии Урала. Поэтому наряду с переговорами о концессии (которую, кстати, Уркарт так и не получил) ведется работа по восстановлению Экибастуза.

В те годы Экибастузское месторождение было одним из самых крупных в стране. Слава Караганды еще была впереди. На месте

теперешнего промышленного гиганта находилось несколько жалких шахт, хозяевами которых были английские концессионеры. Экибастуз по сравнению с ними казался колоссом — каменноугольные копи, коксовый завод, мастерские, кирпичные заводы, железнодорожная ветка к Иртышу, свинцовый завод в Ермаке!.. Правда, все это было примитивным, но все же могло послужить основой для дальнейшего развития. Не прошло и полугода после освобождения Прииртышья от банд Анненкова, как, следуя ленинским указаниям, началось восстановление Экибастузских угольных копей. Осенью 1920 года экибастузские рабочие получают задание достроить свинцовый завод и начать производство. В июле 1921 года завод вступает в строй.

16 марта 1922 года Президиум ВСНХ рассматривает вопрос об Экибастузе и еще раз отмечает его важное значение в народном хозяйстве страны; дается указание о развертывании дальнейших работ. К 1924 году число рабочих в Экибастузе возрастает до 1200, действуют шесть коксовых печей, свинцовый завод выдает металл. Однако обстановка для Экибастуза складывается неблагоприятно — истощаются старые запасы сырья для свинцового завода, привезенные в Ермак еще в 1916 году, а концессионеры, покидая Риддер, привели его в такое состояние, что не было возможности быстро наладить добычу руды. В марте 1925 года ермаковский завод останавливается. Вслед за ним начинает замирать жизнь и в Экибастузе. 27 марта прекращается добыча угля в последней шахте, копи переводятся на консервацию. Рабочие Экибастуза уезжают в Риддер, где принимают участие в восстановлении рудников...

А в эти годы к юго-западу от Экибастуза, в урочище Караганды, в долинах пересохших рек Сокур и Чурубай-нура уже работают экспедиции геологов. Они обнаруживают, что в полупустынях Центрального Казахстана находятся не отдельные месторождения угля, как считали долгие годы, а громадный угленосный бассейн, запасы угля в котором исчисляются миллиардами тонн. С этого времени начинает свое стремительное восхождение звезда Караганды. В 1930 году закладываются первые четыре шахты. К Караганде подводится железная дорога.

Новый угольный бассейн начинает соперничать со своими старшими братьями — Донбассом и Кузбассом. В 1939 году третья всесоюзная кочегарка дает уже 95,5 процента угля, добываемого в Казахстане.

И все же угля в стране не хватает. Промышленность, электростанции, железные дороги, сибирское пароходство требуют угля. Города Прииртышья сидят на голодном топливном пайке. Сибирские хозяйственные организации ищут выход из создавшегося положения и приходят к выводу, что необходимо восстановление экибастузских копей...

Для этой цели в середине 1939 г. были выделены специальные средства и разрешено СНК РСФСР и Омскому облисполкому по согласованию с СНК Казахстана приступить к промышленной

разработке Экибастузского угольного месторождения. В Экибастузе начинается строительство шахт.

Но час Экибастуза еще не пробил — угроза войны, а потом и сама война задержали работы...

СТЕПНОЙ БАТЫР

Ленинское предвидение о значении Экибастуза для промышленного развития страны начало воплощаться в жизнь после Великой Отечественной войны. В 1948 году на берега соленого озера Экибастуз пришла первая партия строителей. Они нашли развалившиеся землянки — прибежище пауков и ящериц, залитые водой шахты, горы выработанной породы, порывавшей от ветров, дождей и солнца...

В 1950 году вступает в строй Павлодарский участок Южсиба, железной дороги, соединяющей Восточную Сибирь с Уралом. Работа по освоению Экибастуза принимает широкие масштабы. Эшелон за эшелонам идут строительные материалы, механизмы, едут люди. Мощные экскаваторы вскрывают вековечную целину степи, обнажая черное тело каменноугольной залежи. 26 декабря 1956 года происходит знаменательное событие — экибастузским углем из первого разреза наполняют первый железнодорожный состав. У могучей Караганды, у богатыря Кузбасса родился в степных просторах брат — степной батыр Экибастуз. Он рос не по дням, а по часам. Через год после пуска первого разреза в Экибастузе было добыто 2,3 миллиона тонн угля, через 10 лет — уже 14 миллионов тонн, еще через пять — 23 миллиона тонн, в 1975 — около 50 миллионов тонн, а в 1980 году — уже 70 миллионов тонн. В недалеком будущем Экибастуз и его сосед Майкубеньское месторождение станут давать ежегодно 170 миллионов тонн угля — в три раза больше, чем до революции добывалось во всей России...

В стремительном росте добычи экибастузского угля есть один секрет — уголь здесь залегает в исключительно благоприятных условиях. В открытых разрезах на каждую тонну угля приходится обычно пять — семь тонн вынутого грунта. В Экибастузе это соотношение равно единице — на тонну угля одна тонна грунта! Уголь поэтому очень дешев — себестоимость извлечения тонны угля немногим более рубля, примерно в восемь — десять раз меньше, чем самый дешевый карагандинский уголь.

12 июля 1957 года селение шахтеров Экибастузского месторождения получило статус города. Вскоре после этого я побывал в Экибастузе... Среди безлюдной степи вырастали дома, рядом с ними ветшали бараки, гнездились подслеповатые землянки. Над ними нависали плечи строительных кранов... Неустроенность, мусор, перерывы дороги, отвалы траншей... Все черты новостройки, неустоявшегося быта, спешки. Летняя жара мертвила все живое, пыльные шлейфы тянулись за машинами. Воду привозили в цистернах, на улицах были обычны очереди женщин с пустыми ведрами у пустого места — ждали воду... И лишь вправо от вокзала,

в старом поселке, виднеется обжитый зеленый островок — во дворах домов зеленели карагачи и тополя, черемуха и малинники, кусты ягодников, огородные растения... Но это был лишь островок... Он только подчеркивал хаос новостройки...

Но все это казалось не главным, временным, стремительно уходящим в прошлое. Главным было другое... Я понял это, когда передо мной открылся угольный разрез, весьма скромный по теперешним меркам, но тогда впечатляющий. Чудилось в этой громадной рукотворной чаше, сверкающей на солнце мрачным блеском угольных пластов, что-то от стихийного творчества природы. Далеко внизу трудились паровозы, запряженные в цепочки вагонеток. Стальные тудяги «Уральцы» вгрызались в черные стены разреза, и тросы их могучих рук сверху казались нитками... Фантазмагория, сон!.. Но это не было ни сном, ни фантазией. Контуры реального будущего вырисовывались в грохоте стройки, в ляге машин, в паровозных свистках, в скрежете стальных челюстей экскаваторов, черпающих уголь, в нежной зелени посадок, в робком цветении мальв и настурций под барачными окнами, в лепете детей на пыльных площадках новостроек...

Таким было начало... Сейчас Экибастуз вырос, его население приближается к ста тысячам. На главной улице — проспекте Ленина — высятся многоэтажные дома, в разрезах работают шагающие роторные экскаваторы, рядом с которыми «Уралец» на постаменте — памятник началу освоения Экибастуза — кажется малюточной. Город еще весь в движении, в росте, в трудностях. Но сейчас уже яснее видишь его будущий облик.

Улицы обростут домами повышенной этажности, подымутся красивые здания театров, концертных залов, спортивных комплексов. Строятся три торговых центра, новый Дворец культуры. Зеленый наряд города становится все более заметным, предусмотрено парковая зона, озеленение берегов озер и водохранилища — Экибастузского моря! Кстати, соленого озера уже нет, оно промыто водами канала Иртыш — Караганда, и сейчас в чистой воде озера любители удят рыбу...

Еще недавно Экибастуз называли спутником Караганды. Теперь это определение потеряло смысл — доля добычи угля в Экибастузе составляет около 60 процентов республиканской, а в недалеком будущем она станет еще выше. Экибастуз вышел на собственную орбиту, сам стал центром, вокруг которого возникают, возникают и множатся свои спутники...

Когда я почти четверть века назад ехал из Экибастуза на юг, в одно из прекраснейших мест Центрального Казахстана — романтический Баян-Аул, то уже видел по дороге в степи зародыши будущих промышленных центров — Майкубень и Шоптыкуль, запасы угля в которых достигают нескольких миллиардов тонн, Майкаин — полиметаллическое месторождение...

Теперь в этой части Казахстана возник мощный Павлодаро-Экибастузский территориально-производственный комплекс... Однако не только этим исчерпывается значение Экибастуза для на-

родного хозяйства страны. Существует еще одно понятие, рожденное в нашей экономике Экибастузом,— понятие, которое говорит о том самом главном, что создается сейчас в этой части Казахстана и без чего не сможет существовать весь этот огромный промышленный комплекс: здесь создается уникальный, не имеющий себе равных энергетический центр—ЭТЭК, что расширяется так: Экибастузский топливно-энергетический комплекс...

КРУТОЙ ПОДЪЕМ

В материалах XXVI съезда КПСС неоднократно упоминается Экибастуз. Об использовании для нужд народного хозяйства этого уникального месторождения говорилось и в докладах, и в выступлениях делегатов. А в «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» записано:

«Ускоренными темпами осуществлять строительство тепловых электростанций, использующих угли Экибастузского и Канско-Ачинского бассейнов, а также природный и попутный газ месторождений в Западной Сибири. Ввести в действие первую очередь линии электропередачи постоянного тока напряжением в 1500 киловольт Экибастуз—Центр и линии электропередачи переменного тока напряжением 1150 киловольт Экибастуз—Урал»³³.

В Павлодарском Прииртышье создается небывалый по своим масштабам энергетический центр. Уже сейчас на дешевых углях Экибастуза работают девятнадцать крупных электростанций Урала и Сибири, Казахстана и Средней Азии. Особенно важен экибастузский уголь для Урала. Полностью подтверждаются слова В. И. Ленина, сказанные им еще в 1922 году о значении Экибастуза для Урала. Электропередача переменного тока Экибастуз—Урал позволит шире развернуть на Урале электрометаллургию. А «в связи с уменьшением на Урале добычи энергетического угля, Экибастуз стал основным поставщиком топлива для электростанций этого района»³⁴. Достаточно упомянуть крупнейшую тепловую электростанцию в стране—Рефтинскую, расположенную на Урале, мощностью 3800 киловатт, которая целиком работает на экибастузском угле...

На энергетических углях Экибастуза будут построены пять мощных тепловых электростанций—четыре из них в Павлодарской области и одна в районе озера Балхаш, общей мощностью двадцать миллионов киловатт. Уже сейчас дают ток три энергоблока Первой Экибастузской ГРЭС, мощность которых значительно превышает мощность Днепрогэса. А всего предстоит сдать еще тридцать семь таких энергоблоков.

Стоимость энергии экибастузских электростанций приближается к самой дешевой—к гидроэлектроэнергии. Могучая река электроэнергии, рожденная экибастузским углем, потечет в центр страны, на юг и восток, на север, она сольется воедино с другими энергосистемами, даст жизнь множеству предприятий, заводов, фабрик,

создаст благоприятные условия для различных отраслей деятельности человека, производства, науки, быта. Воду для гигантских ТЭЦ Экибастуза дает канал Иртыш — Экибастуз — Караганда — грандиозное сооружение, рукотворная река, живительной артерией идущая через весь Центральный Казахстан...

Таков ЭТЭК — мощнейшее электроэнергетическое созвездие...

Слава Экибастуза не только в небывалом производстве электроэнергии. Мы упоминали о спутниках Экибастуза, разбросанных по степи и мелкосопочнику Центрального Казахстана, крупнейшим промышленным центром стал и некогда тихий, захолустный Павлодар. Павлодаро-Экибастузский территориально-производственный комплекс уже дает стране тракторы, ферросплавы, глинозем, продукцию химии и нефтепереработки. С каждым годом будет расти потребление угля и электроэнергии непосредственно для нужд самого комплексного хозяйства этого крупнейшего в стране промышленного региона...

От времени открытия Экибастузского каменноугольного месторождения до наших дней прошло немногим более ста лет. И когда мы, оглядываясь назад, прослеживаем путь Экибастуза, то видим, как много значили в этом пути предвестники будущего этого богатейшего района страны. Это и Косум Пшенбаев, казах, открывший месторождение, это и Д. И. Менделеев со своими помощниками, и безымянные шахтеры, начавшие осваивать степные залежи угля в условиях тягчайшего гнета отечественных и зарубежных капиталистов, и те сто экибастузских шахтеров, которые пошли защищать Советскую республику и отдали свои жизни на полях сражений со старым миром, и первые коммунисты Экибастуза...

Гениальным провидцем свершений нового мира был Владимир Ильич Ленин. Среди множества сложнейших дел, в тяжелейшее для молодой республики время он сумел увидеть в далекой от центра степной глухомани великое будущее...

- ¹³ Там же, с. 37. Письмо от 11 августа 1839 г.
¹⁴ Там же, с. 81—82. Письмо от 3 марта 1847 г.
¹⁵ Там же, с. 73—74.
¹⁶ Библиотека Тобольского Государственного музея-заповедника, док. № 109.
¹⁷ Семейная хроника..., с. 93. Письмо от 25 декабря 1847 г.
¹⁸ Менделеев Д. И. Избр. соч., т. III. М., 1934.
¹⁹ Дубравин А. И. Заслуги Д. И. Менделеева в судостроении и арктическом мореплавании.— «Судостроение», 1969, № 9, с. 50—55.
²⁰ Уральская железная промышленность в 1899 г., ч. III, с. 139.
²¹ «Заветные мысли» вышли отдельным изданием в 1903—1904 годах. Первое издание «К познанию России» — в 1906 году. В том же году вышли 2-е, 3-е и 4-е издания этой работы Д. И. Менделеева.

К ОЧЕРКУ «ПУТЬ ЭКИБАСТУЗА»

- ¹ Ленинский сборник XXXVI, 1959, с. 500.
² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 165—176.
³ Цит. по кн.: Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири, кн. 1. СПб., 1886, с. 223.
⁴ Евсеев Е. Н. Экспедиция И. Д. Бухолца и основание Омской крепости.— В кн.: Города Сибири. Новосибирск, 1974, с. 51.
⁵ Письмо Д. П. Багаева от 25 мая 1958 г. (Архив автора.)
⁶ Калмухан Исабай. Вслед за легендой.— Простор. Алма-Ата, 1979, № 11, с. 110—116.
⁷ Павлодарская правда, 1957, 6 июля.
⁸ При тщательном обследовании бассейна в наше время было определено, что запасы угля в Экибастузе до глубины 600 метров составляют 7,4 миллиарда тонн, а угленосность достигает фантастической цифры — в среднем 82 миллиона тонн на 1 квадратный километр!
⁹ Уральская железная промышленность в 1899 году. СПб., 1900. Ч. I; Менделеев Д. И. Вступление, с. 5—6 (далее: Ур. жел. пр.).
¹⁰ Ур. жел. пр., ч. III; Менделеев Д. Заключительная глава, с. 100.
¹¹ Там же, с. 107.
¹² Ур. жел. пр., ч. I; Егоров К. Поездка на Экибастузские каменноугольные копи, с. 256.
¹³ Там же, с. 259.
¹⁴ Там же, с. 273.
¹⁵ Там же, с. 279.
¹⁶ Там же, с. 283.
¹⁷ Там же, с. 285.
¹⁸ Там же, с. 277.
¹⁹ Там же; Менделеев Д. Последняя часть поездки по Уралу, с. 461.
²⁰ Ур. жел. пр., ч. III; Менделеев Д. Измерения деревьев и другие данные о приросте лесов в Уральских краях, с. 3.
²¹ Ур. жел. пр., ч. I; Менделеев Д. Последняя часть поездки по Уралу, с. 456.
²² Ур. жел. пр., ч. III; Менделеев Д. Заключительная глава, с. 107.
²³ Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге. СПб., 1900, с. 164.
²⁴ Сибирь и ее экономическое будущее. Сочинение Кл. Оланьона. Пер. с франц. СПб., 1903, с. 206.
²⁵ Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 гг. Сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1955, с. 49—50.
²⁶ Пустовитов М. Т. Экибастузские большевики в борьбе за власть Советов.— «Павлодарская правда», 1957, 26 июня.
²⁷ По уточненным сведениям С. И. Царев погиб не в апреле, а 5 мая 1918 года (Казахстан в огне гражданской войны. Алма-Ата, 1960, с. 354—356).
²⁸ Шевченко Сергей. Экибастуз.— Простор, 1978, № 1, с. 5.

²⁹ Собрание Указаний и распоряжений рабоче-крестьянского правительства, 1918 г., № 36, ст. 490, с. 319 (11-V-1918 г.).

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 205.

³¹ Ленинский сборник XXXVI, 1959, с. 500.

³² Ленинский сборник XXXVI, с. 505.

³³ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 148—149.

³⁴ Трухин М. П., Федотов И. П., Нехороший И. X. Открытая разработка Экинбастузского месторождения. М., 1972, с. 143.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ В СИБИРЬ АЛЕКСАНДРА РА- ДИЦЕВА	3
ПОДВИГ ПЕТРА СЛОВЦОВА	20
СВЯЗЬ ВРЕМЕН	45
АЛЕКСАНДР ГУМБОЛЬДТ НА ПАНИНОМ БУГРЕ	53
НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ ЗАМЫСЕЛ	66
ОТКРЫВАТЕЛИ НОВЫХ ДОРОГ	83
ВСТРЕЧИ С П. Л. ДРАВЕРТОМ	106
ПО СЛЕДАМ Д. И. МЕНДЕЛЕЕВА	135
ПУТЬ ЭКИБАСТУЗА	159
ПРИМЕЧАНИЯ	180

Утков В. Г.

У 84 Предвестники: Связь времен. — М.: Мысль, 1982. — 188 с., 6 л. ил.
1 р.

Книга включает научно-художественные очерки о людях, чья жизнь, исследования, дела были связаны с освоением Сибири, Дальнего Востока и Казахстана, с будущим этих территорий. Перед читателями пройдет галерея замечательных ученых, писателей, путешественников — А. Н. Радищева, Д. И. Менделеева, П. А. Слоцова, Ю. И. Кушелевского, П. А. Драверта и др. Очерки построены во многом на архивных и редких печатных материалах. В них рассказывается об удивительно смелых проектах использования природных богатств районов, весьма отдаленных от столицы, о пророчествах, казавшихся в те времена пустой фантазией. Построенные на реальной основе, они удивительно точно сбываются в наши дни.

Для массового читателя.

У 1905020000-073 149-82
004(01)-82

ББК 26.8г
91(09)

**Виктор Григорьевич
Утков**

ПРЕДВЕСТНИКИ

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

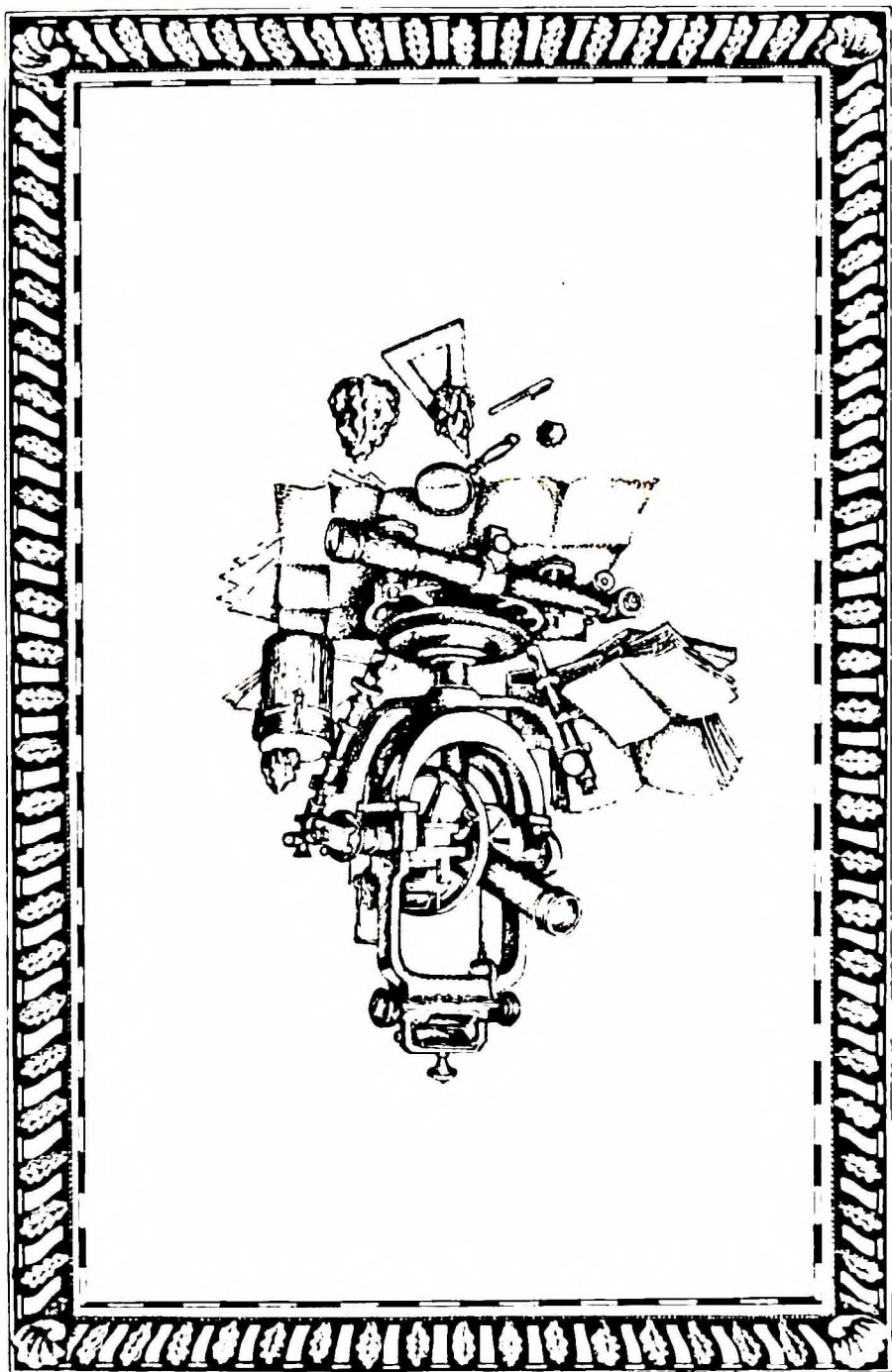
Заведующий редакцией *О. Д. Катагощин*
Редактор *С. Н. Кумкес*
Младший редактор *Л. И. Васильева*
Оформление художника *К. Ю. Александрова*
Художественный редактор *А. И. Ольденбургер*
Технический редактор *Н. Ф. Кубракова*
Корректор *И. В. Равич-Щербо*

ИБ № 2098

Сдано в набор 29.12.81. Подписано в печать 28.06.82.
А01105. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 1.
Академич. гарн. Высокая печать. Усл. печатных
листов 12,75 с вкл. Учетно-издательских листов
14,18 с вкл. 14,25 усл. кр.-отт. Тираж 75 000 экз.
Заказ № 3631. Цена 1 р.

Издательство «Мысль».
117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции
и ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома при Государственном комитете
СССР по делам издательства, полиграфии
и книжной торговли.
Москва, М-54, Валовая, 28



1 руб.

